

Александр
Кривицкий

1

Александр Кривицкий

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1984

Жара в Агудзере

1

Бывали ли вы когда-нибудь в Агудзере?

Это название принадлежит и отрезку береговой полосы с каменистым пляжем, где в крупной, раскаленной гальке можно в июле изжарить омлет, и шеренге домиков у самого моря, полускрытых опасной зеленью юга — колющей, режущей, рубящей, и крохотному селению, расположенному в двадцати минутах ходьбы от голубых волн, робко вздыхающих под самодержавным солнцем, и местному главпочтамту, откуда телеграммы передают в домики у берега по телефону, чтобы не тащиться в жару к адресатам.

Однажды летом, и именно в июле, я жил в этом пекле две недели, мечтая об экспедиции в Антарктиду. День, когда приходилось идти в селение закупать продукты, был испытанием, которое ведомо только солдатам Среднеазиатского военного округа, совершающим дневной маршбросок с полной выкладкой. Поход за мясом, фруктами и чуреком в оба конца сбавлял ваш вес примерно на килограмм, и, быстро умножив эту единицу метрической системы на срок отпуска, я понял, что привезу в Москву только две трети самого себя, и, может быть, даже не лучшие.

Решение мое было непреклонным: никаких фуражировок, питаться можно и консервами из запасов нашего друга — хозяина дома Костаса Симониди, грека по национальности, великого озорника, а также большого мастера-кулинара, особенно по части первых блюд. Он их так щедро перчил, так оснащал знаменитой абхазской солью — одной крупинки ее вполне достаточно для минутной потери голоса, что даже аборигены, с детства привыкшие вводить в организм взрывчатку, покачивали головами. Проглотить ложку его борща все равно что выстрелить себе в желудок. Я смотрел на тарелку такого варева с испугом старого городского, остолебеневшего перед «бон-

бой» анархиста. Вот она шипит-шипит, дымится, курится, да как ахнет — царя и нету.

А за что мне такое наказание и еще в такую жару? Нет, горячие блюда прекращаются, переходим на корм с соседских грядок. Хозяин меня стыдил, потом оставил в покое. Он был занят своими делами. Этот грек обожал много работать. Но не о нем рассказ.

Так прошло почти трое суток. Днем я не вылезал из дома, купался рано утром и в сумерки, а остальное время бродил по комнатам в чем мать родила, утешаясь сознанием, что в междуречье Тигра и Евфрата, в благословенной долине Месопотамии, еще жарче. Эти сведения я почерпнул из разговора с усатым айсором — чистильщиком обуви, сидевшим на главной улице селения и не вычистившим на моих глазах ни одной пары башмаков по той, очевидно, причине, что жители Агудзеры, равно как и приезжие, носили на ногах узенькие полоски кожи или материи, именуемые сандалетами.

На исходе третьего дня я почувствовал, однако, томление духа. Домашний анализ этого состояния привел к точному диагнозу: то был самый настоящий голод, и его не могли утолить консервы — не было газет. За ними нужно было ходить на почту или в деревянный киоск средневековой архитектуры с бойницей, из которой свисала пулеметная лента журналов, скрепленных бельевыми прищепками... Что делать? Прошел еще один день. Я взвыл и понял: без газет мне не обойтись.

— Боже мой, что ты ноешь? — сказал режиссер и драматург Захар Аграненко, человек с матовым лицом полнеющего красавчика и добрыми карими глазами, — с ним мы коротали эти палящие дни в Агудзере. — Неужели тебе мало радиоприемника?

Ну что тут сказать? Мне было мало радио. Оно заливало нас с утра до ночи информацией, телеграммами из-за границы, репортажами, статьями, обзорами, советами агрономам и домашним хозяйкам. С государственным пафосом дикторы сообщали рецепты засолки огурцов и способы вязания, пугали детей нравоучительными притчами. Я вертел пуговицы приемника, и из него несли сладкоголосый шепоток Вены, соседняя Турция изливала восточные мелодии, Лондон уже в ту пору церемонно оплакивал положение фунта стерлингов, «Голос Америки» осторожно давал нам понять, какие мы «бьяки». В коричневом ящике шумел, ворчал, куролесил и задыхался огромный мир.

А мне этого было мало. Мне нужна была газета. Четыре страницы или шесть, обычного формата, где, знаете, такие черные буковки напечатаны на белом фоне. Мне были необходимы не только ее новости и суждения, она была нужна мне сама. Шорох ее страниц, слабый запах ее краски. Я хотел видеть, как сверстан этот номер и то, каким шрифтом набраны заголовки. Я жаждал сначала посмотреть ее страницы — одну за другой, как бы откуда-то сверху, общим планом, и только потом приступить к чтению. Есть ли в ней новые рубрики? Какие заметки взяты в легкие рамочки, какое клише с фоном, а какое «в обтравку»? Мне хотелось сравнить «подачу» одного и того же сообщения в разных газетах. У кого лучше. В «Труде» нет этой информации — значит, они не дождались ТАСС и подписали номер, а может быть, дежурный редактор не придавал ей значения?

Я смотрю на газетные листы, и вся работа над номером открывается мне так, будто я и сам той ночью «вкалывал» в редакции, ругался в «бюро проверки», распекал выпускающего, спорил с редактором, слал громы и молнии на голову автора, поздно сдавшего материал, курил до потери голоса, до головной боли, острил на ходу в коридоре, придумывал заголовки, висел на телефоне, листал справочники. Вот в этой заметке два абзаца разбиты на шпоны, много «воздуха». В столичной газете такое не полагается. Значит, заметку сокращали в поздний час, наспех, когда уже и подумать некогда о герметичности страницы. Вот статейка, явно тронутая временем, устарела. Наверно, снимался острый материал, и вместо него впопыхах поставили нечто лежалое, из «загона». Бывает. Чего только не случается в газете!

Одним словом, мне нужна была газета как таковая. И, обливаясь потом, я стал совершать регулярные рейсы — в селение и обратно.

Аграненко наотрез отказался ходить со мной в паре.

— Радио покрывает все мои потребности и даже с излишком.

— А как насчет солидарности? — вызывал я в отчаянии.

— Я законченный эгоист, — бесстрашно подписывал себе характеристику Аграненко, пресекая опасное развитие темы.

Положение безвыходное. Идти наедине с солнцем, выпекавшим из тебя то ли мацу, то ли пластины хрустящего хлеба, то ли чурек (причем ты еще сам и

переворачивался на пылающей сковороде, подставляя одну сторону по дороге туда и другую на пути обратно), было невозможно.

Что обычно помогает в беде? Взаимное сочувствие. Товарищеская поддержка. Даже вялая перекидка остро-тами облегчает душу. Даже ругательство, усиленное эхом спутника. Всего этого я был лишен. Мне оставалось огромное одиночество под разъяренным светилом.

Однажды я подумал о солнце совсем дурно. Оно показалось мне немецким «мессером», мстительно гонявшимся за единственным живым существом на открытой пустынной дороге. Броситься в кювет? Но оно прожжет и там. Я дополз до купы деревьев, перевел дух, но знал, что оно, ухмыляясь протуберанцами, поджидает меня рядом, за зыбкой чертой тенистого круга. Оно готово было караулить и ждать меня часами, у него было время до самого вечера.

А я не мог медлить. Газеты расхватывали молниеносно. Вся операция длилась десять минут, только на это время киоск существовал как торговая точка «Союзпечати». Потом он снова становился частью ландшафта прошлых веков — угрюмым сторожевым фортom с молчаливой щелью-бойницей. А я плелся обратно, орошая свои драгоценные газеты обильным потом, вожделенно вспоминая прохладу хотя бы парилки Сандуновских бань. В голову лезли скопом Снегурочка, лагерь Шмидта на льдине, айс-ревю, московская квартира за неделю до начала отопительного сезона.

Аграненко был неумолим. Куда девалась его постоянная готовность к общению в любых условиях! Но однажды случилось вот что. Мы сидели с ним в скромных набедренных повязках у раскрытого окна, затененного кисейей. Я рассказывал Захару ветвистую историю своего полета через линию фронта к партизанам Брянского леса. У поворота сюжета я рефлексивно посмотрел на часы — не пора ли в крестный путь! — и сказал:

— Все. Мне нужно идти!

— О, господи! Доскажи же. Дались тебе эти газеты!

И тут меня осенило. Невидимая Надежда слабо пожала мне руку.

— А в чем дело? Идем со мной. По дороге доскажу.

И представьте себе, Аграненко натянул на себя холщовые брюки и смело вышел со мной под кинжальный огонь полуденного солнца. Увлеч Захара мой рассказ, оборванный на самом интересном месте, или он просто

сжались надо мной — не знаю. Как бы там ни было, мы шагали вместе по жесткой обочине пыльной дороги.

Вообще Захар был легким человеком. Он не принадлежал к скучному племени недоверчивых молчунов, отвечающих на шутку мрачным недоумением. Не входил он и в категорию краснобаев, в чьи бесконечные монологи о себе и словечка не вставишь. Не состоял он и в той команде людей, что на безмятежной прогулке затевают утомительный спор, в какую сторону держать путь, и рассуждал иначе: «Направо горы — хорошо, налево море — тоже неплохо. А прямо ларек — можно и прямо». Он был добр и смешлив. Он таил свои печали. Грусть оседала где-то на дне его существа, а не циркулировала по всем жилам, как юркий ночной трамвай, будящий дребезжанием округу. Сердце его быстро открывалось навстречу озорству. Но и заводилой он не числился. Скорее ему была свойственна «умеренность», однако того сорта, что не сушит человека. Те, кому он был компаньоном в случайных встречах, на отдыхе, в житейских буднях, никогда о том не жалели.

Здесь, в Агудзере, случай был особый. Жара деформировала характеры, испепеляла обычные достоинства, обнажала пороки.

Боясь, как бы Аграненко не повернул с полдороги обратно, я говорил без умолку, щедро орнаментируя рассказ деталями. Я выскребал из памяти все новые и новые подробности, опасливо прислушиваясь к тяжелому дыханию спутника, разморенного жарой уже на первых метрах пути. Странно, но я был абсолютно сух и свеж. Что за диво человеческий организм! До чего же нерасторжима в нем связь материи и духа. Возможен ли такой парадокс? То же солнце, та же жара, тот же прерывающий дыхание зной, еще вчера толкавший воображение к испанской гаротте или тугам-душителям из романов Луи Жаколио, и вот нате вам — иду как ни в чем не бывало.

Так тяжки были эти мои походы в одиночестве, они столь безраздельно отдавали меня во власть внешней среды и ее раздражителей, и я так уверовал в спасительную роль собеседника-спутника, что в тот день шел «по морю яко по суху», то есть не замечая жары, а главное, не отвечая на нее своими ощущениями. Случай самогипноза?

Ученые люди объясняли мне это состояние. И. П. Павлов называл его парадоксальной фазой коры головного мозга: вопреки объективному раздражению субъективная

реакция определяется внушением или самовнушением. Не ругаюсь за научную точность этой формулы, но хочу предупредить, что спустя малый срок провидение избрало меня объектом, а впрочем, скорее даже субъектом куда более серьезного парапсихологического эксперимента.

Вернулись мы из экспедиции за газетами в виде живой диаграммы — «у нас» и «у них». Я был бодр, весел, резв. Аграненко вял, мокр, сир. Кроме того, его глодало разочарование. Зачем, собственно, он поплелся в селение? Он понял, как хищнически я проэксплуатировал его простодушие, его детски-наивное желание поскорее узнать, что там происходит за обрывом строки «Продолжение следует». Окончание моей истории не искупало его мучений. А купленные нами газеты сообщали лишь то, что он утром слышал по радио. Добрый Захар обозлился. На его полных губах лепилось выражение обиды. За весь вечер он не сказал мне ни слова. Я окончательно потерял его как спутника.

...Выручила меня шахиня Сорейя.

Вот как это произошло. На следующий день, придав своему лицу как можно более деловое выражение, я пошел к Аграненко.

— Вот что, дорогой, сегодня у меня встреча с шахиней Сорейей. Я хочу, чтобы ты присутствовал на этом мероприятии.

— Мероприятии? — удивленным эхом откликнулся Аграненко.

— Послушай, — сказал я, — дело очень серьезное, ты мне нужен, и ты пойдешь со мной в Агудзеру. Все-таки речь идет о венценосной особе.

— Что ты плетешь? Особа... Шахиня... Комик ты... Гарольд Ллойд, Бестер Китон. Ищи дурачков. Больше меня не купишь, — запальчиво бормотал Аграненко, смутно чувствуя, однако, что он уже бьется в каких-то невидимых еще тенетах.

— Захар, — мягко и серьезно сказал я, — не огорчай меня. Неужели ты не видишь, что я говорю серьезно?

— Не вижу, — забился в сетях Захар.

— Не видишь? Ну, так слушай. Я не имею права рассказывать тебе все. Но главное ты должен знать. Сегодня в Агудзере я встречу с шахиней Сорейей. Машина проедет с аэродрома по дороге в Сухуми. Она сделает остановку.

— Кто? — испуганно спросил Захар.

— Венценосная особа, — я понизил голос, — шахиня.

Мы встретимся. С расстояния в пять шагов ты будешь наблюдать это мероприятие. Так нужно, и больше не спрашивай ни о чем.

— Мероприятие! — сомнамбулически отозвался Аграненко.

Я понял, что брешь в его сознании проделана. Теперь нужно ее расширять, расширять, вводить в этот прорыв танки железной мистификации, пока он снова не затаился недоверием.

— Они летят из Москвы. Пробудут в Сухуми день, оттуда морским путем в Сочи. Пункт моей встречи — Агудзера.

— Интервью? — спросил Аграненко, беспомощно барахтаясь в густом желе тайн и загадок и пытаюсь выско- чить из этой трясины на твердую почву реальности.

Я напряг лицевые мускулы и криво усмехнулся.

— Слушай меня внимательно, Захар. Пойми, что в моей жизни есть нечто такое, что тебе и не снилось.

— А может быть, она везет тебе из Москвы свежие газеты? — робко сострил Аграненко.

Я рванул этот кончик на себя.

— Забудь, пожалуйста, о газетах. Повторяю: дело серьезное. Ты мне нужен как офицер запаса.

Захар встал с тахты, выпрямился, едва не щелкнул задниками шлепанцев и мельком поглядел на себя в зеркало.

— Ну хорошо, злодей. Я знаю: все это розыгрыш, но я пойду с тобой, ты будешь биться как рыба об лед, плести мне бог знает что. Будешь бояться, что я вернусь с дороги или брошу тебя на станции. Будешь капать мне на мозги, придумывать небылицы. И все ради того, чтобы не идти одному за газетами. Потом мы вернемся, и я у тебя спрошу: кто же кого разыграл? Идем... — он сделал паузу, — венценосная особа.

Добрый Захар стал одеваться.

Монолог его был неотразим. На душе у меня было мутно. Успех достигнут, но какой ценой!

Мы шли по одуряющей жаре. Я искоса поглядывал на Аграненко — он сардонически улыбался, а я мысленно ругал себя за слишком уж фантастическую фактуру розыгрыша. Да, я переборщил. Хотя вначале у меня и были кое-какие шансы. В то время я занимался иностранными делами «Литературной газеты» и знал, что эта область журналистики в глазах Захара полна чудес, растворяющих грань между вымыслом и реальным. Телефонные звонки

в Париж, Лондон, Вену, Берн... Каблограммы из-за океана... Дипломатические приемы... Встречи с иностранцами... «Бог его знает, какие неожиданности возможны в этой сфере» — так, по моим предположениям, мог рассуждать Захар в ответ на мою «пулю» с шахиней Сорейей. Туристские поездки за границу тогда еще не вошли в моду. Тишина царила в комнатках иностранной комиссии Союза писателей. Но все-таки я, видимо, хватил через край с этой самой венценосной особой и теперь понуро шагал, обливаясь потом, оплакивая свой провал и радуясь незлобivosti Захара. Он тоже поглядывал на меня, пыхтел, утирая свое полное лицо платком, давно превратившимся в промокашку. Захар сказал:

— Ну что, сник! — И самодовольно прибавил: — Я тебя расколол, как грецкий орех. Не отчаивайся, нам жить вместе еще целую неделю. Возьмешь реванш.

— Реванш я возьму еще сегодня. А орех этот не грецкий, а персидский, — ответил я, подкачав из своих резервуаров все остатки упрямого нахальства, которые еще плескались где-то на самом доньшке сознания.

— Персидских орехов не бывает, был такой персидский порошок, но и о нем я уже давно не слышал, — отрезал Захар.

— Ну вот что, — сказал я с мрачной решимостью «камикадзе», — если этот порошок не засыплет тебе глаза, то ты сегодня кое-что увидишь.

— Ай-яй, это уже некрасиво, — брезгливо заметил Аграненко и остановился в спасительной тени дерева перестав дух.

Мы добрались до селения как раз к тому мигу, когда в киоск-башню привезли газеты. Постояли на солнцепеке в маленькой очереди, доползли до бойницы, вооружились всеми изданиями и пошлелись к сатуратору с газированной водой.

Выпили сразу по два стакана почти горячей воды — ей не хватало перловой крупы, чтобы стать супом, — и сразу взмокли еще больше. Хотя известно, что в человеческом организме немало воды, все-таки люди принадлежат к категории твердых тел. Путешествие в селение превратило нас в жидкие тела. Еще немного, и нас можно было бы переливать в различные емкости. Я живо вообразил себе Захара в античной амфоре, на плече у прекрасной девушки, а себя в бурдюке, притороченном к спине рыжего ослика.

Солнце поймало сатуратор в перекрестье лучей, и пе-

ред угрозой превращения из жидкого состояния в газообразное мы отказались от расчета хлопнуть еще по станкану супчика.

— Где же тень, — взмолился Захар, — существует она в природе или нет? Хочу на минуточку в тень и домой.

Но тени не было. Ни один предмет не отбрасывал эти серые невесомые, ни на что в мире не похожие и только слабо, отдаленно напоминающие ночь среди белого дня круги или полосы. Солнце стояло в зените, заливая ровным сизо-раскаленным жаром округу. Никто ведь, собственно, и не просил сплошной тени с ее пещерным холодком, с ее замкнутым темноватым пространством, живущим пусть и короткой жизнью, но на правах экстерриториальности от безжалостного солнца. Такой рай нам и не мерещился. Оглядываясь по сторонам, мы искали хотя бы кусочек тени, ее обрывок, какое-нибудь кружевцо, плетение, ситечко, отраженное чем-то хрупким, непрочным.

Но нет, ничего такого не было. Главная улица Агудзеры, ее низенькие строения пронизывались насквозь бездумным светилком. Огромное небо распростерлось Аравийской пустыней. Ни одного облачного бурнуса, и только солнце торчало над нами, словно крашенная хной ярко-рыжая борода кровожадного шейха.

В жарком полуобмороке мы доплелись до ларька. Полók перед его фасадной витринкой был покрыт густым слоем пыли. Стеклянная створка перед ним никогда не поднималась. Покупатели обычно заходили с тыла, оттуда, где поскрипывала в петлях маленькая, всегда открытая дверь. Этот путь не обязательно означал операции с черного хода. Просто того требовал торговый этикет юга. Здесь все были знакомы друг другу, и покупатель хотел видеть продавца во весь рост, его ястребиное лицо с седыми ключьями усов, его короткое туловище с тяжелым бугром живота, на котором полы короткой чешской рубахи «борнео» расходились в стороны, как концы занавески на подоконнике, где стоит пузатый горшок с замаринованным мясом для шашлыка, его серые полотняные брюки, струящиеся в сандалии-шлепанцы.

Мы заглянули в проем двери. Продавец дремал, сидя на табуретке и опустив голову на стойку, уставленную глыбами пахучего абхазского сыра. Рука сидельца зажимала пучок зеленой травки. Он хотел, наверно, украсить ею блюдо с кильками, доплывшими сюда из неведомых тихоокеанских глубин, но так и не осуществил своего благородного намерения. Зной сморил его на незавершенном

движении. Внутренность ларька обдала нас сухим бан-ным паром, и мы отпрянули назад.

Оставалось искать убежища в парикмахерской напро-тив. Мы форсировали пыльную дорогу со вспученным ас-фальтом, и уже у ее обочины проезжий грузовик напод-дал нам в спину гейзером пыли и щебенки, заставив пе-ремахнуть тротуар одним рывком.

В парикмахерской было три отличных зубоучебных кресла, и на одном из них непробудным сном сказочной царевны спал заросший недельной щетиной жилистый старик — сам брадобрей. Три вентилятора на длинных шнурах, сведенные в трехорудийную батарею, низвергали на его лицо подобие прохлады. Мы быстро оценили обста-новку и, не стовариваясь, передвинули по одному венти-лятору к каждому из свободных кресел, уселись и, найдя точный прицел, получили каждый свою ленивую струю растормошенного воздуха. Осторожно, чтобы не нарушить позицию, мы вытянули ноги и теперь возлежали на этих сверкающих никелем и черным нитролаком тронах, слов-но мусульманские праведники в раю под опахалами греш-ных гурий. Сладостная дремота овладела нами...

Когда я проснулся, то был уже выбрит и сбрызнут одеколоном.

Жилистый брадобрей флегматично орудовал бритвой над еще спящим Захаром. Все это мне показалось продол-жением сна, в котором я успел расплатиться с цирюль-ником и даже получить сдачу. Но трехрублевка на стойке у зеркальца, накрытая столбиком серебра и меди, вла-стно выводила меня в мир реального, где за бритье не брали меньше рубля.

Глядя на Захара, я мог, словно в большом трюмо, на-блюдать все то, что, видимо, произошло и со мной. Ста-рик окончил брить. Ленивым жестом, как в замедленной киносъемке, он взял флакон с пульверизатором и, мето-дично нажимая резиновую грушу, пустил на круглое лицо Захара веерок одеколона. Захар слабо завертел головой и, пока старик комкал его лицо салфеткой, полез рукой в карман и, не открывая глаз, вытащил оттуда смятую ку-шюру. Старик подхватил ее на весу, достал из своего кар-мана горстку мелочи и столбиком опустил на полку пе-ред Захаром.

Когда спустя мгновение Захар открыл глаза, старик уже храпел на своем кресле. Ощупав лицо, Захар воззрился на сдачу, посмотрел на меня, потом на старика, снова на меня и жалобно спросил:

— Что тут происходит?

И тут бес упрямства сильно толкнул меня в бок.

— Ничего особенного, — сказал я с деланным равнодушием, — все идет согласно плану. Мы побрились перед встречей с шахиней Сорейей.

Аграненко еще раз подозрительно глянул в сторону старика, крихтевшего так, словно он во сне двигал мебель своего заведения, и решительно сказал, проводя ладонью по щекам:

— Хватит! Мне надоела вся эта чертовщина. Мы идем домой или нет?

— Нет, — брякнул я, — ни в коем случае. Ты хочешь мне сорвать мероприятие?

Я решительно не знал, зачем я все это говорю. Тянуть дальше волюнку с Сорейей было просто бессмысленно. Пачка газет лежала рядом. Но я не мог себя сдерживать. Какая-то непонятная сила толкала и толкала меня в бок, в глазах еще стоял сонный туман, и я наперекор всему повторял:

— Ай ты, Фома неверный. Неужели ты думаешь, я способен на дурацкий обман? Неужели ты вообразил, что из-за этих газет, — я потряс пачкой в воздухе, — я буду разводить всю эту канитель? Как ты живешь с таким недоверием к людям?

— Кто меня брил? — азартно прервал Захар мою тираду.

— Адъютант свиты ее величества, — отрезал я.

Аграненко только махнул рукой.

— Идем, — сказал я, распаляясь, несомый в пучину неизвестного какой-то бешеной волной отчаяния, — идем на улицу, сейчас ты кое-что увидишь.

Я вытащил его за руку из парикмахерской. И мы увидели... Мы увидели пыльную, сонную, совершенно безлюдную улицу. Томящее, раскаленное добела пространство. Одичавшее, безоблачное небо. Лохматая собака переходила дорогу прямо перед нами, но на полпути свалилась, подкошенная жарой, и разлеглась в пыли.

Захар обвел взглядом пустынную округу и опасливо покосился на меня. Добрый Захар. Я читал его мысли. Он уже не подозревал меня ни в чем. Он искал объяснения моей взбудораженности, и ему казалось, он понял все: жара, тепловой удар...

А я стоял, сжигаемый теперь еще и внутренним жаром, и начисто не знал, что же будет дальше. В моем странно напряженном сознании мелькала одна-единственная, со-

всем уж жалкая мысль: мираж. Господи, как там тебя зовут, — будда, аллах, иегова, — кто бы ты ни был, пошли нам мираж. Или нет, при чем здесь бог? Просто оптическое явление в атмосфере, преломление лучей под определенным углом, проецирующее на этом месте картины происходящего в отдалении. Фата-моргана! Ведь это бывает в пустыне. А что мы имеем здесь? Это же самая настоящая пустыня... И я сгораю от жажды видения. Ну, небольшой такой миражик, хоть на минутку, секунду, на миг единый. Но миражи, как такси: когда они нужны, их нет.

Захар смотрел на меня с состраданием.

И вдруг что-то блеснуло вдаль на дороге, протяжно запел клаксон. Там, у поворота шоссе, закружилось пыльное облако и, вырываясь из него, мелькнуло что-то низко летящее, распластанное. Черный продолговатый ЗИС шел на нас, победно трубя.

— Ну! — возбужденно выкрикнул я, рассчитав свой шанс со скоростью счетно-решающей машины.

Автомобиль промчался мимо нас, подняв пыльный смерч, и когда он рассеялся, мы увидели вокруг себя на той и другой стороне улицы множество людей. Откуда они возникли?словно из-под земли — старики, женщины, дети с флажками в руках. Одни приветственно махали вслед умчавшейся машине, другие простирали флажки и руки в ту сторону, откуда она появилась.

Если это был мираж, то, надо сказать, хорошо устроенный. Преломление лучей оказалось на редкость удачным. Все выглядело вполне стереоскопично. Я взглянул на Захара — видит ли он то же самое, или я смотрю свой собственный, индивидуальный мираж, как зритель-одиночка. Сомнений не оставалось. В глазах Захара светилось неподдельное изумление. Мираж был общим, парным, как серьги. Мираж-тандем, мираж-катамаран. Ах, какое отличное преломление лучей! Или, может быть, мы просто еще спим в зубо-врачебных креслах парикмахерской? Я обернулся и увидел, как из ее дверей выскочил жилистый, в густой серой щетине, старик цирюльник с красным пятнышком флажка на белом халате. А на другой стороне улицы из ларька вывалился продавец с лицом ястреба и большим животом в распахнутом разрезе рубашки «борнео». Чистильщик-айсор подбежал, размахивая щетками.

Какой уж тут сон! Да и не мираж это вовсе, когда старик парикмахер дышит мне прямо в затылок.

За первой машиной показались вторая, третья... Черные продолговатые автомобили с мужчинами в черных

костюмах, черных усиках, белых сорочках и серых галстуках мчались одна за другой. Это уже был кортеж явно дипломатического происхождения, а я стоял в мокрой рубашке, старых брючишках и сандалетах, ощущая в себе таинственно-волшебную силу, которая вызвала на пустынную дорогу, из сонного пространства, из мучительного зноя все это великолепие. Нет, я, конечно, знал то, о чем не догадывался Захар: иранские гости не могут миновать Агудзеру, проезжая с аэродрома в Сухуми. Но откуда мне было знать день и час? Я рискнул, осмелился так же, как герой марк-твеновского романа, когда он пригрозил погасить небесное светило, зная приблизительно сроки затмения солнца. И он взял верх над колдуном Мерлином. Я обошел Захара тем же методом, и странно, мне этого было мало, хотя янки при дворе короля Артура ставил на карту свою жизнь, а я всего лишь минуту уязвленного самлюбия.

Я торжествовал. Вот когда Захару отомстила рассеянность, с какой он включал и выключал приемник, небрежность, с какой он проглядывал газеты. Теперь он таращил глаза на мчавшиеся машины, потом с молитвенным умилением смотрел на меня, а я, подхлестываемый бесовскими толчками в бок, кричал ему под рев клаксонов:

— Ну, тьюфяк, теперь ты видишь? Ты еще не то увидишь!

Что я хотел сказать этим обещанием, я и сам не знал. Только что перед нами прошел, видимо, последний ЗИС из авангардного сопровождения, и в наше поле зрения вступила машина с шахом, одетым в штатское, серое, скромное, и его личным адъютантом в мундире с аксельбантами, сидевшим рядом с шофером, а за ней появился другой открытый автомобиль, и в нем замелькало, заискрилось разноцветное кружевное, воздушное, отчего сразу в глазах закружилась суматошно-яркая карусель, и среди этого пенного, ослепительного вороха мелькало нечто белозубое, матово-фарфоровое, смеющееся. Это и была шахиня Сорейя.

Когда-то в детстве я был влюблен в Марию-Антуанетту, получив о ней самое превратное представление из некоего романа, выпущенного знаменитым издательством «Каспар» — основным поставщиком увлекательного чтения для скверных мальчишек с еще неопределенным будущим и взрослых мещан обоего пола, уже вполне сформировавшихся. Эта книжка в желто-зеленоватой обложке «исторической серии» была написана, как я бы сказал теперь, с

роялистских позиций. Мария-Антуанетта завораживала неосознательных читателей кроткой прелестью, высоким слогом речи, магией красоты. А я был читатель неосознательный. Мне шел девятый год, и я на исходе гражданской войны влюбился в царственную страдальицу. Связать воедино ее судьбу с тем, что происходило вокруг, я еще не мог. Образы комиссаров, такие, как они выглядели на страницах этого романа — грубые, жестокие, я никак, конечно, не монтировал со своими братьями — Мишей и Ромой — комиссарами гражданской войны. Я уже делил все человечество на «красных» и «белых», но Мария-Антуанетта находилась вне этих категорий, она мерцала вдалеке, в прошлом, куда я еще не достигал своим классовым анализом. Короче говоря, ухватившись за Марию-Антуанетту, как за звено, я не мог вытащить всю историческую цепь. И потому я любил ее со всем пылом начитанного младенца, и даже — дурак этаким — сострадал ей, не понимая, какой жертвой пропаганды легитимизма я стал на пороге отрочества.

Потом в старших классах школы я быстро понял, что такое смена общественных формаций, но как только я узнал, что капитализм давно пришел на смену феодальному строю и должен сам вскорости сойти со сцены, повсюду уступив место нам, социализму, как только я ретроспективно уверовал в полную архаичность феодализма, так тут же к своему удивлению выяснил, что королей на свете еще пруд пруди. Ну и королев соответственно. Оказывается, не все так просто. Жизнь загадывала мне первые загадки, и все еще только начиналось.

Тогда, в Агудзере, у меня не было желания размышлять над диалектикой исторического процесса или анализировать ход международных отношений и то, например, обстоятельство, что королевский Афганистан стал ближе Советской стране, чем парламентская Португалия а-ля Салазар. Или что иранская монархия, задыхаясь в объятиях заокеанской «демократии», вынуждена восстанавливать дыхание своей внешней политики «вольными движениями» в сторону СССР...

Этим экскурсом, отступлением я вовсе не хочу защитить себя от упреков в чрезмерном интересе к шахине Сорейе. Нет, терпеливый читатель очень скоро поймет: дело в другом.

Машина с шахиней Сорейей приближалась. Счастливое совпадение оправдывало меня в глазах Захара. Но теперь я уже хотел невозможного. Я страстно желал, чтобы ис-

полнилось все, что я ему обещал. Мне была необходима встреча с Сорейей не на фоне этого коллективного зрелища, а отдельно, особо, с каким-нибудь, пусть самым незначительным знаком тайного внимания, именно так, как я посулил эту встречу Захару. Сама абсурдность такого желания разжигала его, подобно тому, как сухой, безжизненный хворост бодрит дымный, с нервно перебегающими огоньками костер.

Где-то я прочел: когда Ньютона спросили, как он проникает в суть не решенных до него научных задач, он ответил:

— Я непрерывно о них думаю.

Я непрерывно думал об одном и том же: «Сорейя, обрати на меня внимание». Я безмолвно приказывал ей. Мысленно я обращался к ней самым почтительным образом, выцарапывая из памяти заплесневелые формулы подхода к августейшим особам: «Повергаю к стопам вашего величества», «Осмелюсь верноподданно просить» или совсем на ориентальный лад: «Излейте царственную милость на недостойного раба своего». Дойдя до «раба», я внутренне возмутился своим смирением и перешел на более привычное просторечие: «Сорейя, я кому говорю...», «Делай, как тебе велят, — я отвечаю».

В подкрепление своей воли я вспомнил все, что знал о явлениях гипноза и внушения. Я рванулся в дебри мифологии, в предания, связанные с непознанной силой жрецов из древнеегипетских храмов, в историю индусских сект, йогов и сомнамбулических погружений факиров. В этом хаосе я аukaлся даже с автором теории животного магнетизма Антоном-Францем Месмером. Передо мной, как титры на экране, вспыхнули его слова: «Флюид тоньше света, свет тоньше воздуха, а воздух тоньше воды. Поэтому флюид передает животный магнетизм так же, как световой эфир передает свет, воздух — звук».

И правда, почему бы флюидам не передать сейчас мой магнетизм прямо шахине Сорейе? В чем дело, черт возьми! И я сосредоточил все свои флюиды в одной точке, с той мощностью направленности, с какой ныне лазер концентрирует пучок света. А почему бы и нет?!

Теперь просторный черный автомобиль с Сорейей был перед нами под прямым углом. В этом открытом кабриолете в диоровских дорожных туалетах самых прихотливых тонов сидели фрейлины двора — большой, узорный, разноцветный живой букет, в центре которого выделялся, дразнил и слепил розово-черный персидский тюльпан — Сорейя.

Я превратился в один сплошной флюид, напрягся из последних сил и скомандовал: «Стоп, машина!»

И здесь произошло то, что я и повергаю почтительно к стопам ее величества науки как скромный дар, посильный вклад в ее пробудившийся интерес к телепатии и гипнотизму.

Я ясно видел, как Сорейя произнесла короткую фразу. Ее слова побежали по цепочке фрейлин, как клубочек искр по бикфордову шнуру, и достигли ушей шофера. Машина остановилась.

Обессиленный адским напряжением, но гордый своей таинственной силой, я обернулся к Захару и, собрав в кулак пляшущие нервы, с деланным спокойствием бросил ему:

— Ну, как?

По-моему, Захар меня не слышал. Он находился в некоем трансе. На его губах застыло то неопределенное выражение, которое лучше всего перевести фразой: «Вот дела, ну и дела!»

Сказать по правде, я и сам не ожидал такого эффекта, но решил проверить свое могущество еще раз. «Подойди-ка сюда, подойди ко мне, живо!» — безмолвно скомандовал я Сорейе. И тут же увидел, как шофер, обогнув машину, распахнул дверцу.

Захар попятился. Из машины вышла Сорейя. Мгновенно из следующей машины, приткнувшейся к багажнику первой, выскочили люди и вслед за шахиней двинулись к обочине дороги. А Сорейя шла прямо на меня. Мне казалось, я галлюцинирую. Несколько легких шажков, несколько считанных мгновений — и она стоит прямо передо мной, «дыша духами и туманами». Ее глаза блестят черным светом. Я слышу ее гортанно-музыкальный голос. Она спрашивает, да, спрашивает именно меня, сделав рукой неуловимо избирательный жест:

— Как называется это место?

— Агудзера, ваше величество, — отвечаю я с неожиданной бойкостью. — Это место называется Агудзера, там недалеко море, — показал я полуоборотом корпуса в сторону и на миг увидел побелевшее лицо Захара, отпрянувшего уже почти до парикмахерской.

— Спасибо, — клетотно обронила, будто взяла аккорд, Сорейя. — Вы очень любезны.

Внезапно возник серебристый плащ. Он появился откуда-то из утробы машины. Может быть, именно он и был избран Непостижимыми силами в качестве внешне реали-

стического повода для остановки автомобиля. Дорога, как говорится, пылила слегка.

Итак, фрейлина подала плащ своей повелительнице. Шахиня надела его, еще стоя прямо передо мной. И я наперегонки с конфетным офицером свиты из второй машины поддержал полу ее пыльника.

Сорейя привстала на цыпочки и устремила свой взгляд в сторону моря, словно стараясь его разглядеть, затем милостиво кивнула мне и удалилась, окруженная группой придворных. Она села в машину, сделала ручкой «до свидания». Кабриолет приемисто, с ходу взял скорость, и гибко покачивающийся букет фрейлин, среди которых черным на розовом красовалась Сорейя, скрылся за облаком пыли.

Я смотрел ей вслед. Прошло лишь несколько секунд, но улица была снова пустынной. Скрипнула дверь, пропуская продавца в черную впадину ларька. В проеме парикмахерской вильнули тесемки халата жилистого старика брадобрея. С шумом захлопнулась створка над бойницей газетного киоска-башни. Вялая собака снова улеглась на середину мостовой. Агудзера опять погрузилась в полуобморочный зной и жаркую летаргию. Я подошел к Захару.

— Все. Пойдем, — деловито подвел я итоги.

— Что она тебе сказала? О чем вы говорили? — нетерпеливо спросил Захар.

— Вот этого как раз я тебе и не могу сказать. Знаешь пословицу: болтун — находка для шпиона.

— Но все-таки зачем я тебе был нужен? — удивился Захар, уже не подвергая сомнению мою особую миссию сегодня в Агудзере.

— И это секрет. Прикоснулся к дипломатической тайне и молчи, — безжалостно заключил я.

Обратно мы шли легко, хотя и продолжали платить дань разъяренному солнцу. Меня распирало самодовольство. Захар был почтителен. Его, конечно, обуревали сомнения — он то приставал с расспросами, то силился проницательно улыбаться, но все-таки не смел поднять голоса против железных фактов.

Вечером вместе с хозяином дома, нашим другом, мы пили сущую отраву — скверную настойку производства ликеро-водочного завода имени Екатерины Медичи. Захар, раскрасневшись, рассказывал хозяину подробности дневной истории. В его интонациях уже не мелькало и тени недоверия. Он выступал, как честный свидетель, готовый ручаться за точность каждого своего слова. Он как бы вошел ко мне в долю, в пай. Он был уже моим импресарио,

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Михалков. Писатель и жанр</i>	5
---	---

ПОВЕСТИ

Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года . .	14
Елка для взрослого, или Повествование в различных жанрах	311

ПОЧТИ РАССКАЗЫ

Бранденбургские ворота	476
Жара в Агудзере	495
Старая история	513
Курская антоновка	560

Александр Юрьевич
КРИВИЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Том первый

Редактор *В. Ефремов*

Художественный редактор

Е. Ененко

Технический редактор

М. Плешакова

Корректоры

Л. Сахарова и И. Ломанова

ИБ № 3942

Сдано в набор 29.11.83. Подписано к печати А. 10595. 04.07.84. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 31,08+1 вкл.=31,13. Усл. кр.-отт. 31,18. Уч.-изд. л. 34,04+1 вкл.=34,08. Тираж 100 000 экз. Изд. № III-1542. Заказ № 2413. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28